

УДК 008

## Ценностный потенциал творческого наследия П.Я. Барвинского и его место в культуре русского мира

**Кулабухова Марина Анатольевна**

Кандидат филологических наук, доцент, профессор,  
Заведующая кафедрой гуманитарных наук,  
Белгородский государственный институт искусств и культуры,  
308033, Российская Федерация, Белгород, ул. Королева, 7;  
e-mail: kulabukhova-bgiki@yandex.ru

**Кулабухов Дмитрий Анатольевич**

Кандидат философских наук, доцент,  
кафедра социальной работы,  
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
308000, Российская Федерация, Белгород, ул. Преображенская, 78;  
e-mail: kulabukhov@bsu.edu.ru

### Аннотация

Статья посвящена основным этапам жизни и творчества незаслуженно забытого актера, режиссера, драматурга, прозаика, просветителя Павла Яковлевича Барвинского (1862-1908). Представитель чеховской артели, Барвинский и на сцене, и в литературных произведениях представил свое глубокое знание жизни провинции, в первую очередь, Слобожанщины, родного русско-украинского пограничья. Обращаясь к новым аспектам существования человека и общества на рубеже XIX-XX веков, в частности, особенностям взаимоотношений русских и украинцев, жизни низов, общности судьбы славянских народов, писатель-реалист Барвинский отстаивает непреходящие духовные ценности и идеалы, возмущается чудовищным обстоятельствам жизни талантливых выходцев из народа, русского мира, страдающего, но нравственно непобедимого и прекрасного. В своих произведениях Барвинский ратует за сохранение нравственного начала в человеке, добрых семейных традиций, выступает против безверия, иностранного засилья, потребительства, растаскивания, разбазаривания общенародного добра.

### Для цитирования в научных исследованиях

Кулабухова М.А., Кулабухов Д.А. Ценностный потенциал творческого наследия П.Я. Барвинского и его место в культуре Русского мира // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 376-392.

**Ключевые слова**

Актерское искусство, театральное дело, литературное наследие, просвещение, реализм, ценностные основания и духовные идеалы русского (славянского) мира.

**Введение**

Судьба и творчество Павла Яковлевича Барвинского (наст. фамилия – Израильтянко) – яркая страница в истории не только литературы и культуры Белгородчины, но и Слобожанщины, русско-украинского пограничья, в пределах которого окреп и раскрылся талант актера, режиссера, прозаика, драматурга. Самобытный представитель чеховской артели, поборник сценического реализма, признанный классик украинской драматургии рубежа XIX–XX веков [Лобас, 2013], о котором в начале XX века было известно до обидного мало<sup>1</sup> и которого в советское время причисляли к драматургам, не отличающимся большим масштабом таланта («История украинской литературы», Киев, 1968), Павел Барвинский посредством литературного творчества доказал, что «русская культура немыслима без украинской, как и украинская без русской» [Лихачев, 2001, 139], что «сильные культуры, к которым, несомненно, принадлежат и русская, и украинская <...> получают свои национальные особенности от общения между собой и другими культурами, от взаимовлияний и взаимообобщения, позволяющих творчески усваивать и перерабатывать на свой лад достижения соседей» [там же, 141]. Современник Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и А.И. Куприна, К.С. Станиславского и С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина и А.Н. Скрябина, волею судьбы проведший свой недолгий век вдали от столиц Павел Израильтянко и сегодня, к сожалению, остается известным лишь немногим специалистам, читателям-белгородцам. Глубокий знаток жизни представителей разных социальных слоев, всегда защищавший интересы низов, к которым принадлежали его предки, являлся истинным типом славянского Дон Кихота, подлинного патриота, интеллигента из провинции, созидателя, который живет не ради капризной славы, мимолетного признания и пр., а во имя благоуукрашения, благоустройства родной земли, ради жизни и просвещения современников и потомков, который сближает народы, утверждает духовные ценности и идеалы, возмущается чудовищными обстоятельствами жизни талантливого человека, страдающего, но нравственно непобедимого и прекрасного.

**Павел Барвинский: этапы личной и творческой биографии**

Павел Яковлевич Барвинский (Израильтянко) родился в июле 1862 года в слободе Борисовка (в настоящее время – поселок, районный центр Белгородской области). Населена

1 Например, «беллетрист, печатавшийся в журналах «Осколки», «Природа и люди» [Словарь литературных типов, 1908-1914]

слобода была выходцами из Украины, потомками тех, кто некогда встал на защиту Белгородской засечной черты от набегов татар, ногайцев, связал свою судьбу с Россией (язык и обычаи в Борисовке долгое время оставались украинскими). Так в школах Борисовки (а также близлежащих Грайворона, Бирюча), где украинский язык преподавался как обязательный, «только в 1931 году <было> введено преподавание на русском языке» [Прокопенко, 2001, 7].

Род Израильтянко был зажиточным и уважаемым. Даже крепостное право не помешало развиваться талантам предков П.Я. Барвинского. Дед будущего писателя «относился к числу крестьян, занимавшихся торговлей, и платил оброк графу Шереметеву, которому принадлежала Борисовка» [там же, 8]. Отец Барвинского, Яков, и его братья, Степан и Евграф, «занимались торговлей, подрядами и были довольно состоятельными людьми<sup>2</sup>» [там же, 8]

Жившие в достатке родители Павла Яковлевича стремились дать сыну приличное образование: «Мальчика в семь лет отдали в обучение грамоте местному пономарю, что вовсе не было чем-то ущербным. Напротив, подобный метод практиковался и в дворянских кругах, когда детей первоначально обучали основам старославянского языка» [Прокопенко, 2001, 8]. Затем было «Борисовское земское двухклассное училище» [Осыков, Осыков, 2014, 251]. Из сохранившихся архивных данных известно, что, когда родители Павла переехали в сл. Шопино (недалеко от Белгорода), Павел «был определен в Белгородскую «герцога Эдинбургского» гимназию» [Потапов, Протасенко, 1979, 93], которую оставил после третьего класса. Завершил гимназическое образование Павел Израильтянко в Москве.

В 1883 году, окончив гимназию, Павел Израильтянко – вопреки желанию родителей (а отец, разумеется, мечтал, «что сын тоже станет „негоциантом“» [Маяковский, 2012]) – поступил не в университет, а в консерваторию по классу вокала<sup>3</sup>. По свидетельству современников, у Барвинского был прекрасный голос, «редкий по красоте и тембру баритон» [Прокопенко, 2001, 8]; Барвинский «отлично играл на многих инструментах» [Потапов, Протасенко, 1979, 93]. После двух лет успешных занятий пением у Барвинского было обнаружено серьезное заболевание горла. В результате операции голос был частично утрачен. Однако мысль о сцене Барвинский не оставил. В это время в Москве гастролировала труппа А.Н. Василенко-Десяткова, «имевшая на Украине особую популярность, и Барвинский вступает в нее» [Прокопенко, 2001, 8]. Началась «нелегкая, неустроенная актерская жизнь – с бесчисленными разъездами, творческими удачами и разочарованиями» [Осыков, Осыков, 2014, 251].

Зимой 1888 года П.Я. Барвинский «переходит в труппу известного драматурга, актера и режиссера Марка Лукича Кропивницкого, которая в это время выступала на белгородской

2 О финансовом благополучии семьи свидетельствует некогда принадлежащий роду Израильтянко двухэтажный кирпичный дом старинной кладки [Маяковский, 2012], стоящий на въезде в современную Борисовку со стороны Белгорода [Осыков, Осыков, 2014, 251].

3 Отец Барвинского до конца жизни не смирился с артистической карьерой сына, хотя и не проклинал его, не лишил наследства.

сцене. Вместе в Павлом Яковлевичем в спектаклях в нашем городе (Белгороде. – М.К., Д.К.) и Харькове участвовала и его жена-землячка Аделаида Николаенко (сценический псевдоним – Гайдаривна) [Осыков, Осыков, 2014, 251], «обладательница великолепного сопрано, любительница устраивать домашние спектакли, что было в те годы весьма популярно в Борисовке» [Прокопенко, 2001, 9]. А.С. Потапов и П.А. Протасенко отмечали, что «работа с такими мастерами, как Кропивницкий, Садовский, а затем Деркач, Ярошенко, общение с лучшими артистами способствовала формированию у Павла Барвинского высоких требований к актеру, к театру вообще. Он отвергал театр спекулятивный, балаганный, ориентированный на невзыскательную публику, падкую на мелодраму, на внешние страсти...» [Потапов, Протасенко, 1979, 95]. По воспоминаниям современников, Барвинский не просто обладал необычайно привлекательной внешностью, весьма «счастливой сценической наружностью» [цит. по: Прокопенко, 2001, 13] – «высокий рост, красивое, благородных очертаний лицо» [Прокопенко, 2001, 13]. Это был «замечательный, одаренный и требовательный актер высокой культуры <...> Барвинский также не уступал лучшим танцорам, играл буквально на всех инструментах» [там же, 13].

Тесное общение с выдающимися деятелями украинского театра, последователями реалистического сценического искусства М.С. Щепкина (тоже белгородца, земляка П.Я. Барвинского), обращение к серьезному репертуару, приверженность подлинному в искусстве (в частности, устойчивый интерес к творчеству Т.Г. Шевченко) способствовали личностной и творческой эволюции Павла Барвинского, вполне осознанно обратившегося к сочинительству, одним из первых представившего новые социальные явления в жизни провинциального (в первую очередь, слобожанского) общества рубежа XIX-XX веков.

В 1899 году труппа М. Ярошенко, в которую вступил П.Я. Барвинский, представила зрителю драму Барвинского «Каторжная», посвященную трагедии обесчещенной сельской девушки и вызвавшую широкий общественный резонанс. В двухтомнике «Украинский драматический театр» (Киев, 1967) этой пьесе отведено особое место – здесь поднимаются «совсем новые для украинского театра вопросы: быт шахтеров, взаимоотношения между крестьянами, что пришли работать на шахту, и потомственными рабочими, между рабочими-украинцами и русскими. Свежесть темы победила художественное несовершенство драмы и обеспечила ей большое распространение» [цит. по: Потапов, Протасенко, 1979, 93].

Приезжая каждое лето на отдых в родную Борисовку, Барвинский всячески способствовал развитию на родной земле театрального дела (кстати, первый любительский спектакль в слободе Борисовке состоялся 20 июля 1878 года; была поставлена «Женитьба» Гоголя). В статье, опубликованной в газете «Курские губернские ведомости» за 1903 г. (№ 274) под псевдонимом «Борисовец», отмечается, что «начиная с 1886 года уже идут ежегодные представления..., а в 1888 году любители арендуют сад, устраивают в нем легкое здание театра и в продолжение лета дают целый ряд спектаклей...» [цит. по: Прокопенко, 2001, 11].

Летние визиты Барвинского в Борисовку способствуют интенсивному повышению интереса борисовцев к театру: Павел Барвинский выступает с инициативой строительства «удобного и поместительного летнего театра <...> Барвинским была устроена между купечеством слободы подписка, причем известный купец С.А. Израильтянко (родной дядя Барвинского Степан. – М.К., Д.К.) изъявил согласие принять на себя ответственность за всю стоимость здания, достигшую 1500 рублей. Таким образом, было сооружено здание летнего театра, которому могли бы позавидовать многие уездные города. С этого времени театральное дело на долгие годы становится солидно и прочно, благодаря упомянутому артисту Барвинскому.

Приезжая для летнего отдыха на родину, г. Барвинский из местных любителей организовал кружок, который в состоянии был весьма удовлетворительно ставить довольно сложные вещи из малороссийского репертуара...

Г. Барвинский ставил и собственные пьесы, проходившие с большим успехом. Назовем из них: «Каторжная» – драма, «Антось Дукат» – историческая драма, «Нигилист» – комедия, «Насильно колодец рыть – воды не пить» и др. Нечего и говорить, что главным украшением этих спектаклей являлся сам Барвинский, артист с отличным дарованием <...>

Другим украшением была его жена, известная по сцене под фамилией Гайдаривна <...>

Вообще спектакли, устраиваемые г. Барвинским, были необыкновенно популярны и привлекали массу публики, несмотря на то, что устраивались довольно часто. Не входя в оценку того, что сделано г. Барвинским для театрального дела в Борисовке, укажем тот факт, что именно он привлек в театр молодежь из народа, возбудив в ней интерес к театральным представлениям.

Далее, благодаря постановке оперетт, много прекрасных малорусских песен из театра было перенесено молодежью домой и теперь на улицах не редкость услышать отличное исполнение этих песен.

Опыт г. Барвинского показал, что при надлежащей постановке дела в Борисовке могут существовать систематические постоянные спектакли без материального ущерба и убытка для устроителей» [цит. по: Прокопенко, 2001, 11-12]. Действительно редкий талант, инициативность, энтузиазм одного человека кардинально «преобразили культурную жизнь нескольких тысяч человек<sup>4</sup> – население Борисовки и ее окрестностей» [Прокопенко, 2001, 12], способствуя их просвещению, выявлению талантливых земляков, созданию единой культурно-образовательной среды, эпицентром которой стал возглавивший театральный кружок П.Я. Барвинский.

В 1900 году тридцативосьмилетний актер и драматург предпринял «честолюбивую попытку создать собственную труппу <...> После соответствующей подготовительной работы труппа выехала в гастрольную поездку на Украину» [Потапов, Протасенко, 1979, 95]. Труппа, созданная в основном из борисовской молодежи, гастролирует в Полтаве, Санжарах,

4 Население Борисовки в то время составляло 26 тысяч человек.

Харькове и других городах. К сожалению, в 1902 году, по-видимому, не выдержав конкуренции, а также из-за тяжелых материальных условий, которые переживали «даже труппы с выдающимися актерами» [Прокопенко, 2001, 14], труппа П. Барвинского прекратила свое существование. Часть ее, в том числе и любимая ученица, бывшая нянька детей Барвинского, будущая продолжательница его дела на борисовской земле, А.Ф. Дюмина, переходит в труппу Берцинского, а сам Павел Яковлевич «уезжает в Галицию и во Львове вступает в труппу театра „Русские беседы“, где блестяще проявляется его актерский талант» [Прокопенко, 2001, 14]. Этим временем датированы замечательные рецензии об игре П. Барвинского, в том числе в одном из последних спектаклей известного режиссера К. Подвысоцкого – реалистичном, ансамблевом «Хозяине» И. Карпенко-Карого (где Барвинский с успехом играл Золотницкого).

Незаурядные актерские способности, сценическое мастерство, яркие, запоминающиеся роли снискали заслуженную любовь почитателей таланта П.Я. Барвинского, подлинный восторг публики на родной борисовской земле, в разных уголках Слобожанщины, Малороссии. На память от общественности Полтавы Барвинскому, автору пьесы «Нигилист», вручили серебряный кубок. В день бенефиса Барвинского 11 июля 1898 года на Полтавщине Павлу Яковлевичу преподнесли серебряный портсигар с надписью: «Артисту Барвинскому от друзей в день бенефиса», – а самые близкие почитатели таланта – золотые часы и массивную золотую цепь, которую Барвинский носил до конца своих дней.

К сожалению, климат Галиции, «напряженная творческая жизнь, острые неудачи, неустроенный быт» [Осыков, Осыков, 2014, 251] подорвали здоровье Павла Яковлевича. У Барвинского открылся туберкулез. Он вынужден был оставить сцену и после недолгого лечения кумысом в самарских степях вернулся на родину. В Белгороде Барвинский получил скромное место делопроизводителя в городской управе. «Мертвящая атмосфера канцелярской службы, конечно же, угнетала его, он не может не заниматься творчеством, много пишет, создает в Белгороде театральный любительский кружок, ставит несколько спектаклей» [Потапов, Протасенко, 1979, 95], обратившись к пьесам из украинского и русского репертуара.

Находясь в Белгороде, Барвинский с особым энтузиазмом занимается литературным творчеством. Лучшие рассказы, очерки Барвинского написаны в Белгороде и Крыму во время лечения. Особое место в творческом наследии П. Барвинского его немногочисленные биографы, краеведы, литературоведы отводят рассказу «В лесу», впервые опубликованному в журнале «Русская мысль» в 1905 году благодаря активному участию А.П. Чехова [Потапов, Протасенко, 1979, 96-98; Прокопенко, 2001, 24; Осыков, 2005, 100-101; Осыков, Осыков, 2014, 251]. Недолгая переписка тяжелобольного П.Я. Барвинского с умиравшим А.П. Чеховым – свидетельство чрезвычайно скромной оценки своих творческих сил, данной Барвинским, и редкостной отзывчивости, неподдельного человеколюбия, проявленных писателем-классиком, признанным гуманистом. Потеряв последнюю надежду на публика-

цию хотя бы в одном из «толстых журналов», Барвинский (наверняка не знавший о состоянии А.П. Чехова, иначе он не стал бы утруждать Антона Павловича своими просьбами) отчаянно просит того помочь: «...самому мне, без посторонней сильной помощи, не выбиться на более широкую дорогу, ибо легче верблюду и т. д., нежели начинающему писать проникнуть в такое „святая святых“ как „Русская мысль“, „Вестник Европы“, „Русское богатство“ и некоторые другие полезные журналы.

В силу вышеизложенного, выражаясь канцелярским языком, прибегаю к Вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, и вопия, яко Давид к Богу: возьмите на себя труд посмотреть посылаемые вместе с этим мои рукописи и, если найдете хотя некоторые из них заслуживающими внимания, – не откажитесь быть для меня тем, чем для Вас самих покойный Плещеев, т. е. пристройте меня к редакции какого-либо солидного журнала.

Если же в моих рассказах порядочного, по Вашему мнению, нет, – будьте любезны – вышлите их обратно мне; тогда, по крайней мере, я буду в состоянии спокойно, – отбросивши всяческие обуревающие меня сомнения по поводу «писательских способностей», – заняться чем-либо более подходящим для меня» (Из переписки. П.Я. Барвинский – А.П. Чехову. 7 марта 1904 года. Белгород) [Барвинский, 2008, 367].

Второе письмо П. Барвинского, датированное 6 апреля 1904 года, указывает на то, что Чехов поддержал автора из провинции:

«Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Прошу принять мою искреннюю благодарность за высказанные мне в Вашем письме указания и советы по поводу моего рассказа «В лесу». Рассказ этот я переписал, сократил и выбросил из него все то, на что Вы мне указали. Осталась в нем только одна украинская фраза (пословица) и четыре оригинальных, в устах Евстафия, словечка.

Первую я оставил потому, что решительно не мог подобрать в русском языке фразы, которая также характеризовала бы высказанную Здоровцем (малороссом) мысль; а *те четыре* словечка («хвактический прохвост», как назвал Евстафий Гайдамаку, «свистнул» вместо украл, «фрукта» и «шарманка» – названия, даваемые им лошаденке) я не мог выбросить потому, что мне больно было отнимать у Евстафия его любимейшие, хотя и совершенно дикие выражения. Простите за маленькое отступление. Дело в том, в что этот самый Евстафий, убивши однажды осенью, при мне, красиво оперенного жирного дикого селезня, поднял его, встряхнул в воздухе и, обращаясь ко мне, с восхищением проговорил: „Вот так маскарад!“ Оказалось, что в устах Евстафия слово „маскарад“ означало: и большую величину, и красивое оперение, и жирное тело – словом сказать – все достоинства застреленной им птицы.

В заключение всего покорнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Антон Павлович, отослать посылаемый вместе с этим исправленный рассказ мой от своего имени в редакцию журнала „Русская мысль“» [Барвинский, 2008, 368]. Рассказ «В лесу», явившийся признанием таланта Барвинского, был напечатан в журнале «Русская мысль» в 1905 году, уже после смерти Антона Павловича.

Барвинский ненадолго пережил Чехова. В 1905 году состояние Павла Яковлевича ухудшилось, он перебрался из Белгорода в Борисовку, чтобы «лечь в родную землю» [Потапов, Протасенко, 1979, 98]. Незадолго до кончины, когда революционные события 1905-1907 годов дошли до Борисовки, Павел Барвинский был избран на сходе уполномоченным по выборам в Первую государственную думу. В Грайвороне на собрании уполномоченных Барвинский выступил с обличительной речью в адрес властей, которая была дословно опубликована в харьковской газете «Южный край». Барвинский призывает голосовать не за богатых, «родовитых панов и полупанков», а за своих, за крестьян-«серяков»: «Есть, братцы, на Украине пословица, которая говорит: „Скачи, враже, как пан скаже“. Каждый из нас знает, к кому относится эта пословица, каждому из нас ведомо, кто в ней пан, в кто враг...

Под какие только дудки не плясал наш брат серяк. Плясал он под розгами, плясал под кнутом, плясал от голода и холода, плясал он и от нужды безысходной. Так велось не год, не два, а целые столетия. Все, братцы, вынесла дубленая горем и нуждою мужичья шкура, все претерпела долготерпеливая крестьянская душа» [цит. по: Прокопенко, 2001, 16]. Но самому П.Я. Барвинскому не суждено было представить народную волю в выборном органе. 21 августа 1908 года Павел Яковлевич Барвинский скончался на родной земле. 23 августа близкие, друзья и поклонники таланта проводили его в последний путь. У свежей могилы на центральном кладбище Борисовки, расположенном на высокой Усовой горе, хор трупы исполнил «Заповит» («Завещание») Тараса Шевченко. На могиле был установлен скромный памятник-крест. Чуть позже здесь посадили цветы любимого актером, режиссером, писателем барвинка. Могила, к сожалению, не сохранилась.

Итогом литературно-творческой деятельности П.Я. Барвинского стало Собрание его сочинений в двух томах на украинском языке, вышедшее в Полтаве в 1907-1908 гг.

### **Ценностные основания творческого наследства П.Я. Барвинского**

В год рождения П.Я. Барвинского, 155 лет тому назад, его земляк, уроженец Белгорода, собеседник Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, русский мыслитель Н.Н. Страхов, отмечая знаковую роль русской словесности в формировании нации, искренне признался: «Таково настоящее положение, таково наше душевное настроение, что нас мало интересуют какие-нибудь холодные рассуждения, сухие, строгие анализы, спокойная деятельность мысли и творчества. Чтобы занять и расшевелить нас, нужно нечто более едкое, более острое и режущее. Мы чувствуем некоторое удовлетворение только тогда, когда хоть ненадолго в нас вспыхивает нравственный энтузиазм или закипает негодование и презрение к господствующему злу. Чтобы нас затронуть и поразить, нужно заставить заговорить нашу совесть, нужно коснуться до самых глубоких изгибов нашей души. Иначе мы останемся холодны и равнодушны, как бы ни были велики чудеса ума и таланта» [Страхов, 1862, www]. Задолго до великих потрясений, падения империи, войн и пр. русский мыслитель из провинции,

предсказывая конец блистательного века больших имен, не отказывает народу в его неизбывной потребности в слове, в произведении художественной словесности как «поучении, наставлении, проповеди» [там же], в писателе-пророке, представление о котором формировалось в пространстве отечественной культуры на протяжении многих столетий, настаивает на значимости проповеднической роли писателя-провидца, способного подчас в одиночку преодолевать наносное, ложное, проникать «в самую глубину вещей и открывать в них то, что оставалось скрытым для обыкновенных глаз» [там же].

П.Я. Барвинский пришел в мир искусства не из дворянской усадьбы, а из слободы, находящейся на русско-украинском пограничье, пришел в непростое время (на исходе XIX века, когда «порвалась цепь великая», когда, в оценке И.А. Бунина в русской литературе «уродливых, отрицательных явлений было <...> во сто крат более, чем положительных, <...> литература <...> находилась <...> в упадке, в судорогах и метаниях из стороны в сторону» [Бунин, 2000, 608]. Многие писатели (духовные разночинцы), в оценке И.А. Бунина, были почти лишены традиций, подвергались европейским влияниям, требовали – ввиду крайности происходящего, эксцессов истории – коренной ломки существующего в искусстве, самых новейших его форм [там же, 609]. Л.Н. Толстой причины такого «поражительного понижения литературы, понижения вкуса и здравого смысла читающей публики» [там же, 608] видел в развитии рекламы, в приспособлении писателей и вообще печатного слова ко вкусам и интересам наибольшего числа потребителей, ко вкусам «всегда грубым и низким» [там же, 608]. Понижение качества литературы и общей культуры чтения, мысли, чувства Иван Бунин объясняет низким уровнем образованности, малограмотностью, неразвитостью сознания тех, кто считал себя писателем: «он нахватался лишь верхушек кое-каких знаний и культуры, а возгордился чрезмерно» [там же, 608], живя «чужим добром» [там же, 609]. Обнищание, оглушение, омертвление литературы как «общей сокровищницы» (Н.Н. Страхов), по мнению Бунина, несет писатель нового типа, который «на своем пошлом жаргоне... <говорит> что он создал несметное количество новых ценностей, преобразовал прозаический язык..., затронул высочайшие вопросы духа, «выявил» новую психику, поставил себе великие «задания», стремится к великим «достижениям» и «возможностям», не стыдясь, называет себя «мудрым», «многогранным», «дерзновенным», «солнечным» [там же, 610].

П.Я. Барвинский пришел в литературу, когда, в оценке И.А. Бунина, «исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота – и морем разлилась вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый. Опошлено все» [Бунин, 2000, 610]. Всесторонне одаренный молодой слобожанин П.Я. Барвинский, как и Бунин, становится свидетелем того, как исчезает не только в столичной, но и в провинциальной литературе: «Не многое: совесть, чувство, / Такт, мера, ум... Растет словесный блуд...».

Всегда весьма скромно оценивавший свои творческие возможности, П.Я. Барвинский – заметная фигура не только в истории и культуре Борисовского края, Белгородчины, Юга России, но и в культуре Малороссии, Слобожанщины, порожденной многовековыми историческими коллизиями, отразившей диалогические начала, ценностные приоритеты Русского, славянского мира, главным среди которых является совесть.

Неуспокоенная религиозная, познавательная, художническая совесть потребовала от актера, режиссера, подвижника театрального искусства П. Барвинского отражения человеческих трагедий и узнаваемых характеров, тех подчас полярных событий жизни общества и народа, которые не оставляют равнодушным никого.

Провинциал, сознательно отказавшийся от жизни в столице, Барвинский даже в псевдониме подчеркивает свою нерасторжимую связь со славянской культурой, в частности, украинским языком. Однако провинциалом Барвинского во всех его творческих ипостасях назвать сложно, практически невозможно. И в своих театральных странствиях, и в режиссерско-просветительской деятельности на земле родной Борисовки, и тем более в литературном творчестве Барвинский никогда «провинциальным» – в значении «отсталый, наивный, простоватый, находящийся в захолустье», «территориально удаленный от административного центра – столицы, областного центра и пр.», закрытым для нового – не был. Благодаря творческому потенциалу, неординарной натуре Барвинского-режиссера, актера, драматурга, прозаика его родина перестает быть «провинциальным» локусом, характеризующимся высокой степенью закрытости людей, их связанностью, сопряженностью с традициями места и времени, погруженностью в традиционную (немодернистскую) культуру. Некоторый провинциализм содержания произведений Барвинского, в частности, представляемых на сцене летнего театра в слободе Борисовка, обуславливает направленность творческой деятельности одаренного земляка, стремившегося к максимально полной, точной характеристике жизни современников, их нравов, традиционной культуры, аспектам устройства и развития общества. Обеспечивая реалистический взгляд современников (в частности, земляков, малороссов) на самих себя, особенности жизни провинциала как необычайно устойчивого типа человека, укорененного в традиции своего края, Барвинский-художник выступает как «принципал» (от лат. – главный), как ведущий социокультурного процесса, личность, постоянно возмущающая (в данном случае своим творчеством, просветительским образом жизни) сознание провинциалов, нарушая привычный ход вещей и формируя естественную потребность в правде и красоте – источнике творчества и созидания.

Реалист Барвинский не просто фиксирует события из жизни молодежи и стариков, украинцев и русских, крестьян и шахтеров, священников и приказчиков, врачей и актеров, объясняя человеческие истории социальными причинами. Прозаик и драматург Барвинский стремится раскрыть двойственность человеческой природы, порождаемой материальными и духовными проблемами, не только анализируя вместе с героями социально-политические и экономические события 60-90-х гг. уходящего века, но и пророчески предсказывая исход народных

метаний и странствий в поисках лучшей доли, которые приведут в итоге к революционным потрясениям и государственной катастрофе. Мы не можем отказать Барвинскому в страстности, эмоциональности оценок. Если сын срединной России, дворянин И. Бунин в оценке Великого Перевоза, великого переселения крестьян на новые земли и др. масштабных событий выступает как историк, объективно констатирующий невозможность предотвращения человеческих жертв, а в дальнейшем и неизбежного краха империи («Вести с родины», «На чужой стороне», «На край света», рассказы 90-х гг.), то субъективно страстный слобожанин П. Барвинский стремится защитить каждого – маленького (представленного в лучших традициях русской литературы XIX века) человека, живущего по совести, согласно нравственному закону в самом себе, и потому заслуживающего счастья (таковы, в частности, героиня рассказа «Певица Варя», главные герои пьес «Каторжная», «Современный Дон Кихот», «Антось Дукач»). Однако, как справедливо отмечает Барвинский, наступающее трагическое межвременье. Смена ценностных доминант в капитализирующемся мире и пр. причины приносят успех скорее тем, кто в угоду материальному благу жертвует человеческим достоинством, совестью, верой, любовью, дружбой, патриотизмом, способностью откликаться на боль и горе другого, милосердным отношением к врагу и др. духовно-нравственными ориентирами культуры Русского (славянского) мира, решающим условием существования восточнославянской целостности, Отечества и истории как памяти поколений. Именно ценностная парадигма, обуславливающая проявление человеческого в человеке и народе, становится смысловой доминантой творчества провинциала по рождению, но принцепала по личным взглядам и творческим приоритетам П.Я. Барвинского. Он уже на рубеже XIX-XX вв. стремился запечатлеть то главное, что являлось смыслом и целью существования многовековой культуры славянского мира: обычаи, знания и навыки народа, его артефакты и культурные пространства, находившиеся в гармонии с природным ландшафтом. То, что унаследовал писатель благодаря передаче этого наследия от поколения к поколению, что формирует у каждого человека чувства нравственной чистоты и цельности, национальной гордости, патриотизма и интернационализма, потребность в освоении самобытности и достижении преемственности, становится доминантой составляющей его собственного «Я», выражаемого в пространстве природы и культуры, в подчас нечеловеческих, невыносимых обстоятельствах.

Даже являя читателю и зрителю носителей отрицательных качеств, Барвинский уповает на нравственную зоркость аудитории, не предаваясь излишнему морализаторству. Для него важно представить событие, которое заставляет каждого из рецепторов выступить если не соавтором, то единомышленником, соизмеряющим жизнь и сущность персонажа со своими собственными. Не идеализируя действительность, Барвинский ставит своих героев перед трагическим выбором, который должны сделать и читатели, зрители, слушатели, даже если героя и рецепторов разделяют столетия.

В сравнении с творчеством некоторых современников – тщеславных «образованцев» – художественным произведениям Барвинского присуща глубина и серьезность, стилю – про-

стота и непосредственность, героям – благородство и прямота, что мотивировано содержанием произведений, отличным знанием предмета художественного освоения (истории и культуры Слобожанщины, Малороссии), аспектами самоидентификации, позволившими автору не разделять мир описываемый, воссоздаваемый благодаря таким его аспектам, как ЭПОС (коллективная память), ЛОГОС (языковое наследие, книжность), ГЕНОС (родственные связи), ТОПОС (общественное и личное пространство), ЭТОС (моральные, духовно-нравственные ценности) и их носителя – самого себя, своих современников (вне зависимости от сословной принадлежности).

Одной из базовых ценностей славянского мира, соединяющей поколения и народы становится в оценке П.Я. Барвинского Богом данный язык, не менее, чем человек, нуждающийся в защите: «Удивительное дело! Ни один народ не имеет в своем словаре такой мерзкой ругани, как наш! Не знаю, как и кому, но в моем уме не укладывается, как может пользоваться им не только в гневе, но и в обиходе не только темный, но и образованный человек...» («Певица Варя») [Барвинский, 2001, 78]. Причем, использование ненормативной лексики, как и трагическую судьбу народа, Барвинский объясняет социальными причинами: «Не будет кабаков <...> не будет такого пьянства, не будет мерзости, меньше будет слышно на улицах ругательств, крестьянам и рабочим не захочется пропивать свою трудовую копейку... С одной стороны, „Общества трезвости“ заводят, а с другой – миллиарды собирают за народную отраву. Комедия и только!» [Барвинский, 2001, 78]. Смысловое противопоставление ненормативной лексики певучим украинским песням в рассказе «Певица Варя» обусловлено архитектурой произведения, в котором противопоставлены человеческая одаренность, нравственная чистота, душевная красота как святые дары и лицемерные законы общества в союзе с «чудовищной несправедливостью судьбы» [Барвинский, 2001, 82].

Отношение к знанию, культуре, профессии в народе – в оценке П.Я. Барвинского – является следствием известного состояния нравственности и общей культуры общества: «Как не культивируй сорняки, а пшеничного зерна с него не получится!» («На заброшенной ниве») [Барвинский, 2001, 135]; «...щедро высыпалась на украинскую театральную ниву с небольшой частью хорошего зерна значительная доля сорняков, которые буйно разрослись на той целине, заглушив редкие добрые ростки, которые еще кое-где попадались между ними. Но вот пришло время сорняков!» («На заброшенной ниве») [там же, 136]; «укомплектованная <...> труппа как с материальной, так и с моральной стороны больше походила на цыганский табор, чем на служителей святого искусства...» («Недоразумение») [там же, 123].

Святость, боговдохновенность души человека, его созидательного труда, способности откликаться на чувства других людей – становится наряду с совестью одной из ведущих ценностей, ревностно защищаемой Барвинским основой существования человека, народа и мира. Положительные персонажи Барвинского предстают не просто носителями духовно-нравственных качеств народа, но как его страдальцы, мученики, достойные поклонения, уважения и братской любви. Таков, в частности исторический идеал Барвинского – Ан-

тось Дукач, герой одноименной исторической драмы, в которой транслируются ценности Запорожской Сечи, не потерявшие значимости и во времена Барвинского, и в нашу эпоху: вера в Бога, чувство Родины, верность Отчизне, честь, целомудрие, любовь, дружба, свобода, – отраженные в частности, в предсмертном монологе главного героя: «Пускай враг наш погибнет! Прощайте, товарищи, прощайте, друзья! Любил я вас. Братья мои, любил вас и любя иду в могилу... Видно, так было Богу угодно: его святая воля... Дай же, Боже, чтоб долго наша Сечь стояла! Пошли, Боже, старой матери, чтоб горя не знала!.. Пусть стоит на многие лета, нерушимо до конца света!.. Не перевелись бы в ней никогда рыцари такие, каких вижу перед смертью, друзья дорогие!.. Прощай еще раз, Сечь, родная мать, и ты Луг, наш отец!.. Прощай, Днепр, мой широкий, наша ты отцовщина! Прощай, товарищество, свет широкий, воля!..» [Барвинский, 2001, 376-377]. В канун исторических катаклизмов рубежа XIX-XX веков Барвинский обращается к тем ценностям, которые древнее прочих (например, чувство Родины в его произведениях глубже официального патриотизма, вне культуры, вне сословий). Те ценности, что объединяют, а не разделяют, констатируют, а не мотивируют.

Задолго до многих исторических потрясений XX – начала XXI века Барвинский предлагает ценностную парадигму, являвшуюся основой Русского (славянского) мира и способную стать базовым условием существования славянства сегодня: духовность – соборность (народность, братство народов) – державность. Так, в драме «Жертва» готовность пожертвовать собой во имя Великой Руси выше иных желаний: «Настав останній для нас час! І як Господь нам не поможе Велику Царицю ублагати, щоб захистила нас і прийняла під могучу свою руку, щоб бути нам і зватись синами єдиної Великої Русі, то пропаде наш край навіки, а ми дідам своїм на той світ великий сором понесем» [Барвинский, 2015, 135].

### Заключение

В условиях деинтеграции восточнославянского единства, преодоления многочисленных вызовов современности, в первую очередь, глобальной турбулентности, художественное наследие Барвинского выступает не только как вневременной способ декларирования культурно-исторической, национальной (вернее – межнациональной!) принадлежности автора, но как действенный фактор сохранения культуры и Белгородчины как крупного культурно-цивилизационного центра славянства, и Слобожанщины, ее диалогового начала, ее нематериального культурного (в частности, песенного) наследия, как средство трансляции базовых основ быта и бытия славянских народов, отраженных в поле славянской словесности традиций, обычаев, памятников фольклора и классического искусства, нравственных ценностей и духовных идеалов русского (славянского) мира, среди которых доминируют святая православная вера, совесть, Отечество, земля, семья, память, любовь, дружба, подвиг. Единая система ценностей, отраженная в возвращаемом сегодня наследии

П.Я. Барвинского, призвана способствовать установлению «всемирной отзывчивости» славян, обеспечить нравственное преобразование современного общества, консолидацию различных социальных групп, в первую очередь, молодежи, а также поддержать обязательный краеведческий компонент образования.

### Библиография

1. Барвинский Павел Яковлевич // Носков Н.Д. (ред.) Словарь литературных типов. СПб.: Издание редакции журнала «Всходы». 1908-1914. URL: [http://literary\\_types.academic.ru/325787](http://literary_types.academic.ru/325787)
2. Барвинский Павел Яковлевич // Белгородская область: Энциклопедия Белгородской области. URL: <https://beluezd.ru/>
3. Барвинский Павел Яковлевич // Романенко В.В., Васильева Т.В., Буханцова Н.В. и др. (сост.) Литературные памятники Белгородчины: антология. Белгород: Белгородская областная типография, 2008. С. 339-369.
4. Барвинский П. Избранное. Белгород: Белгородская областная типография, 2001. 378 с.
5. Барвинский П. Драматические произведения. Белгород: Белгород, 2015. 584 с.
6. Бунин И.А. Речь на юбилее «Русских ведомостей» // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Московский рабочий, 2000. Т. VII. С. 607-612.
7. Лихачев Д.С. Похвала Киеву // Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: LOGOS, 2001. С. 127-141.
8. Лобас П. Павел Яковлевич Барвинский // Шевченковская энциклопедия. 2013. URL: <http://www.shevchcycl.kiev.ua/ukrayinska-davnya-ta-klasichna-literatura-shevchenk/137-barvnskiy-pavlo-yakovich.html>
9. Маяковский М. Современный Дон Кихот // Белгородские известия. 2012. 16 июля. URL: <http://belwesti.ru/16.7.12-14343.html>
10. Осыков Б.И. Письма Павла Барвинского А.П. Чехову // Олифиренко В.В., Олифиренко С.Н. (ред.) Слобожанская волна. Донецк: Восточный издательский дом, 2005. С. 100-101.
11. Осыков Б.И., Осыков А.И. Барвинский Павел Яковлевич // Осыков Б.И., Осыков А.И. Родное Белогорье. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. С. 251-252.
12. Павел Яковлевич Барвинский. URL: <https://ok.ru/video/1813185849>
13. Потапов А.С., Протасенко П.А. Строка в истории искусства // Белгородщина литературная. Кн. I. Ред.-сост. В.П. Оводенко, В.М. Пальваль. Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1979. С. 92-98.
14. Прокопенко З.Т. Павел Яковлевич Барвинский (1862-1908) // Барвинский П. Избранное. Белгород: Белгородская областная типография, 2001. С. 5-32.
15. Страхов Н.Н. И.С. Тургенев. «Отцы и дети» // Русский вестник. 1862. № 2. URL: [http://dugward.ru/library/turgenev/strahov\\_turg\\_otcy.html](http://dugward.ru/library/turgenev/strahov_turg_otcy.html)

## **Value potential of P.Ya. Barvinsky's creative heritage and his place in Russian culture**

**Marina A. Kulabukhova**

PhD in philology, professor  
head of the department of humanities,  
Belgorod State Institute of Arts and Culture,  
308033, 7 Koroleva st., Belgorod, Russian Federation;  
e-mail: kulabukhova-bgiki@yandex.ru

**Dmitrii A. Kulabukhov**

PhD in philosophy, associate professor  
department of social work,  
Belgorod State National Research University,  
308000, 78 Preobrazhenskaya st., Belgorod, Russian Federation;  
e-mail: kulabukhov@bsu/edu.ru

### **Abstract**

The article is devoted to the main stages of life and work of an undeservingly forgotten actor, director, playwright, prose writer, educator Pavel Yakovlevich Barvinsky (1862-1908). A representative of the Chekhov Artel, Barvinsky, both on the stage and in the literary works, presented his profound knowledge of the province's life, first of all, Slobozhanshchyna, his native Russian-Ukrainian borderland. Referring to the new aspects of the existence of man and society at the turn of the 19th and 20th centuries, in particular, the peculiarities of the relations between Russians and Ukrainians, the life of the lower classes, the commonality of the fate of the Slav peoples, the realist writer Barvinsky defended the immutable spiritual values and ideals, indignantly in the monstrous circumstances of the life of talented natives of people of the Russian world, suffering, but morally invincible and beautiful. In his works, Barvinsky advocates preserving the moral principle in man, good family traditions, and opposes unbelief, foreign dignity, consumerism, razdashivaniya, plunder of the good of the people. Barvinsky's artistic heritage acts not only as an untimely way of declaring the author's belonging to the cultural-historical, national (or rather, international!), but as an effective factor for preserving culture and Belgorod as a major cultural and civilization center of Slavdom, and Slobozhanshchyna, its interactive principle, its intangible cultural (in particular, song) heritage as a means of translating the basic foundations of the everyday life and existence of the Slav peoples, reflected in the field of Slavic literary traditions, the custom, monuments of art and folklore, moral values and spirit ideals of Russian (Slavic) world.

**For citation**

Kulabukhova M.A., Kulabukhov D.A. (2017) Tsennostnyi potentsial tvorcheskogo naslediya P.Ya. Barvinskogo i ego mesto v kul'ture Russkogo mira [Value potential of P.Ya. Barvinsky's creative heritage and his place in Russian culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (3A), pp. 376-392.

**Keywords**

Actor art, theatre, literary heritage, enlightenment, realism, value foundations and spiritual ideals of the Russian (Slavic) world.

**References**

1. Barvinskii P. (2001) *Izbrannoe* [Selected works]. Belgorod.
2. Barvinskii P. (2015) *Dramaticheskie proizvedeniya* [Dramatic works]. Belgorod.
3. Barvinskii Pavel Yakovlevich (1908-1914). In: Noskov N.D. (ed.) *Slovar' literaturnykh tipov* [Dictionary of literary types]. Saint Petersburg: Vskhody Publ. Available at: [http://literary\\_types.academic.ru/325787](http://literary_types.academic.ru/325787) [Accessed 14/01/2017].
4. Barvinskii Pavel Yakovlevich (2008). In: Romanenko V.V., Vasil'eva T.V., Bukhantsova N.V. et al. (comp.) *Literaturnye pamyatniki Belgorodchiny: antologiya* [Literary monuments of Belgorodchyna: the anthology]. Belgorod, pp. 339-369.
5. Barvinskii Pavel Yakovlevich. *Belgorodskaya oblast': Entsiklopediya Belgorodskoi oblasti* [Belgorod Region: Encyclopedia of the Belgorod Region]. Available at: <https://beluezd.ru/> [Accessed 15/01/2017].
6. Bunin I.A. (2000) Rech' na yubilee "Russkikh vedomostei" [Speech on the anniversary of the "Russian Gazette"]. In: Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collection of works], vol. 7. Moscow, pp. 607-612.
7. Likhachev D.S. (2001) Pokhvala Kievu [Praise to Kiev]. In: Likhachev D.S. *Razdum'ya o Rossii* [Thoughts about Russia]. Saint Petersburg: Logos Publ., pp. 127-141.
8. Lobas P. (2013) Pavel Yakovlevich Barvinskii. In: *Shevchenkovskaya entsiklopediya* [Shevchenko Encyclopedia]. Available at: <http://www.shevchcycl.kiev.ua/ukrayinska-davnya-ta-klasichna-literatura-shevchenk/137-barvnskiy-pavlo-yakovich.html> [Accessed 16/01/2017].
9. Mayakovskii M. (2012) Sovremennyi Don Kikhot [Modern Don Quixote]. *Belgorodskie izvestiya* [Belgorod News], 16<sup>th</sup> Jul. Available at: <http://belwesti.ru/16.7.12-14343.html> [Accessed 11/01/2017].
10. Osykov B.I. (2005) Pis'ma Pavla Barvinskogo A.P. Chekhovu [Letters by Pavel Barvinsky to A.P. Chekhov]. Olifirenko V.V., Olifirenko S.N. (eds) *Slobozhanskaya volna* [Slobozhanska wave]. Donetsk, pp. 100-101.

11. Osykov B.I., Osykov A.I. (2014) Barvinskii Pavel Yakovlevich. In: Osykov B.I., Osykov A.I. *Rodnoe Belogor'e* [Native Belogorie]. Belgorod: Konstanta, pp. 251-252.
12. *Pavel Yakovlevich Barvinskii*. Available at: <https://ok.ru/video/1813185849> [Accessed 10/01/2017].
13. Potapov A.S., Protasenko P.A. (1979) Stroka v istorii iskusstva [A string in the history of art]. In: Ovodenko V.P., Pal'val'V.M. (eds) *Belgorodshchina literaturnaya* [Belgorod literary], vol. I. Voronezh, pp. 92-98.
14. Prokopenko Z.T. (2001) Pavel Yakovlevich Barvinskii (1862-1908). In: Barvinskii P. *Izbrannoe* [Selected works]. Belgorod, pp. 5-32.
15. Strakhov N.N. (1862) I.S. Turgenev. "Ottsy i deti" [I.S. Turgenev's *Fathers and children*]. *Russkii vestnik* [Russian herald], 2. Available at: [http://dugward.ru/library/turgenev/strahov\\_turg\\_otcy.html](http://dugward.ru/library/turgenev/strahov_turg_otcy.html) [Accessed 13/01/2017].